

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

*Л.А. БЕЛЯЕВА***Культурный капитал,
социальный капитал
и напряженность
социального пространства
России***

В статье обосновывается необходимость измерения “напряжения социального пространства” для анализа современного российского общества. Показано, что это напряжение не сводится к политической напряженности, а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных групп и акторов. Напряжения социального пространства возникают, когда реальные социальные позиции не совпадают с ожиданиями или когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону под действием различных обстоятельств. Рассматривается генезис формирования конструкта “социальное пространство” в социологии, его отличие от “физического пространства”. Социальное пространство представлено через основные виды капиталов – экономический, культурный, социальный, символический. Предложены эмпирические индикаторы измерения напряжения социального пространства страны и регионов в целях решения проблем консолидации общества.

Ключевые слова: социальное пространство, дистанция, социальные круги, сети взаимодействия, производство пространства, поля, культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, индикаторы напряжения социального пространства.

The need for assessment of “strain in social space” for the analysis of the modern Russian society is being justified (for prequel look “ONS”. 2013. № 5). This strain is not merely a political tension but rather it exists and reproduces itself in the system of relationships among various groups and actors. The strain in social space arises when the real social positions do not match the expectations or when these positions drift unfavorably under various circumstances. The genesis of the “social space” construct and its differences from the “physical” one are considered. The social space is presented through the major types of capital – economic, cultural, social and symbolic capitals. Empirical indicators for assessment of the strain in social space nationwide and in the regions are presented aiming at solving the problems of the consolidation of the society.

Keywords: social space, distance, social circles, the production of space, the field of capital: economic, cultural, social, symbolic, indicators for assessment of the strain in social space.

* Окончание. Начало см. “Общественные науки и современность”. 2013. № 5. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 11-03-00366 “Культурный капитал в социальном пространстве современной России (эмпирический социологический анализ)”.

Напряжения социального пространства России и проблемы модернизации

20 лет общественных перемен кардинально изменили общество: сложилась новая социальная структура с полярными материальными и социальными слоями, возникли альянсы власти с олигархическими группами, произошло отстранение от этих альянсов интеллектуалов, непрерывно растет чиновничество, расцветает его мздоимство, медленно формируется средний класс, не слишком желающий оставаться в стране, стабилизировались слои с низкой и средней квалификацией, находятся на грани выживания пенсионеры, в обществе растет бытовая агрессия, нарушились функции семьи и системы образования в социализации молодежи. Наконец, сложился целый спектр конфликтующих между собой стилей жизни. И все это произошло в относительно короткий период времени, вызвав в обществе довольно стойкое напряжение, иногда выливающееся в протесты разного рода, но чаще накапливающееся, загоняющееся внутрь, создавая для человека неуверенность в стабильности своей повседневной жизни.

Произошедшее разобщение людей – не просто психологическое отчуждение, это конфликт интересов по поводу случившегося распределения общественной собственности, занятого места в общественной иерархии и перспектив восходящей мобильности, по поводу места на рынке труда, образования и трудоустройства детей, отношений с властью, органами местного управления и правопорядка и т.д. Словом – это довольно осязаемые отношения, которые наполняются несовместимостью материальных интересов, недовольством со стороны населения действиями власти, а со стороны власти – поведением народа, общее ощущение небезопасного существования и нестабильности.

Как можно исследовать такое разобщенное состояние общества и какова роль в его консолидации проводимой в стране модернизации? Методологически и методически решить эту проблему можно, обратившись к социологическим теориям социального пространства, изучая такое его свойство, как напряженность.

При постановке практической проблемы консолидации российского общества при проведении его модернизации актуализируется задача измерения напряженности социального пространства. Эта напряженность не сводится к политической напряженности (последняя как раз отражает степень напряжения в социальном пространстве общества), а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных групп и акторов. Поводов для напряженности и форм его выражения довольно много. Здесь же будут рассмотрены те напряженности социального пространства, которые препятствуют модернизации общества.

Операционализация проблемы напряженности может быть решена с использованием тех положений, которые разрабатывали социологи и социальные философы при обращении к концепту социального пространства: солидарность (по Э. Дюркгейму); социальные дистанции, социальные круги (по Г. Зиммелю); сети взаимодействия (по С. Московичи); связи и контакты локальной общности внутри и с внешним миром (по Ф. Знанецкому); социальный контроль, мобильность и маргинальность (по Р. Парку); “концентрические зоны и концентрические круги” (по Э. Берджессу); иерархически расположенные социальные слои (по П. Сорокину); взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (по Э. Гидденсу); влияние повседневных социальных практик на общую организацию социальных систем (по Т. Хагерстранду); генезис социального пространства как результат общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями (по А. Лефевру); совокупность полей, власть над которыми дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), что делает социальное пространство многомерным (по П. Бурдьё) [Беляева, 2012]. Ниже предлагаются некоторые индикаторы напряжения социального пространства, разработанные с учетом изложенных положений, и их эмпирическая верификация.

Индикаторы напряжения социального пространства и их эмпирическая верификация

Социальное пространство региона, которое образуют статусы социальных акторов, имеет много векторов своего развития. Это не застывшее пространство, а постоянно изменяющиеся соотношения сил и статусов. В интенсивно развивающемся сообществе (регионе) социальное пространство пронизано воздействиями большей густоты, в слабо развивающемся линии взаимодействия более редкие. Но и в этих регионах может происходить накопление энергии взаимодействия, способной совершить созидательную или разрушительную работу. *Напряжения социального пространства* возникают, когда реальные социальные позиции акторов не совпадают с их ожиданиями или когда происходит изменение этих позиций в нежелательную сторону под действием различных обстоятельств. Изменение общественной системы, идущее в России в последние два десятилетия, нарушило баланс интересов, размывало общие ориентиры развития общества, изменило его структуру¹. Социальные дистанции между слоями и группами непомерно выросли, одновременно произошел раскол страны на олигархически-властные группы и остальное общество.

Напряжение социального пространства достигло чрезвычайно высокого уровня. Теперь остро стоит задача консолидации общества вокруг социально значимой идеи и сближения социальных идентичностей групп. Такой идеей может быть модернизация общества, включая модернизацию политической системы. Для этого модернизация для основной массы населения должна из отвлеченного понятия превратиться в инструмент, открывающий перспективу улучшения жизни, повышения социального статуса. Даже при личном неучастии в процессах модернизации позитивное отношение к ней создает необходимый социальный климат для успешности нововведений. Вместе с тем сама модернизация способна вызывать напряженности социального пространства, если для большинства она остается отвлеченным понятием, не затрагивает жизненные потребности и интересы, “проходит мимо”².

Сокращение напряженности социального пространства регионов может содействовать консолидации общества в горизонтальном и вертикальном направлениях. *Горизонтальная* консолидация распространяется на такие формы взаимодействия людей, как семья, профессиональные организации, общества по интересам и т.д. Это те сообщества, в которые индивид включен повседневно. Следует признать, что в российском обществе только семья пока остается более-менее прочным оплотом консолидации. Более того, эта функция семьи еще более упрочилась. Всего за четыре года, по данным всероссийского мониторинга ЦИСИ, с 54 до 76% выросло число респондентов, отметивших близость со своей семьей, родными. И хотя формы и функции семьи подверглись значительной трансформации, она остается консолидирующим и социализирующим поколения институтом общества. Профессиональные объединения ныне ослаблены, часто раздираемы противоречиями, неспособны эффективно выступать в защиту своих членов. Объединения по интересам в силу своей природы нестабильны и плохо организованы, не интегрированы в систему гражданского общества на постоянной основе и, как правило, не имеют существенного веса в отстаивании своих позиций.

Вертикальные направления социальной консолидации общества в настоящее время ослаблены до такой степени, что можно говорить о враждебности в отношениях властных структур и общества, о полном отчуждении друг от друга различных

¹ Термин “структурация” (structuration) предложен и используется Гидденсом для описания взаимодействия структур и социальных действий. Тем самым он обращает внимание на двойственность структуры, имея в виду, что структуры делают возможным социальное действие, а социальное действие создает определенные структуры.

² Можно без конца рассказывать по телевидению об успехах, например, газовой отрасли в формировании бюджета, о том, что эта отрасль наиболее крупная в мире, но если у реального человека нет финансовой возможности воспользоваться этим благом технического прогресса, то ничего, кроме раздражения, такая информация вызвать не может.

социальных слоев, о расколе общества на концентрические зоны и концентрические круги, которые не соприкасаются друг с другом ни на социальном, ни на уровне повседневного общения. Практически отсутствуют даже признаки солидарности между социальными слоями, между гражданами и институтами общества. Все больше утрачивается связь, основанная на исторической и социальной памяти поколений, на чувстве единой судьбы и единой страны. Между тем *социальная солидарность* – главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Она возникает как логическое следствие общественного разделения труда и способна творить новое качество социальной среды. Но при ее отсутствии может начинаться война “всех против всех”, грозящая развалом общества.

В связи с этим модернизацию в России нужно рассматривать, с одной стороны, как важнейшую составную часть осовременивания общества, включающую в себя изменения в экономической, социальной, культурной, духовной, технологической сферах, а с другой – как побудительную силу сплачивания, консолидации общества. Здесь требуется разработка единого целеполагания модернизации и ее взаимодействия с социальным пространством в современной России. Именно такие изменения приведут к социокультурной модернизации и обеспечат превращение России в общество современного типа.

Для России важно завершить первичную модернизацию, реиндустриализировать страну, которая утратила многие позиции в промышленном производстве, но еще важнее развернуть вторичную – информационную модернизацию. Именно успехи во вторичной модернизации могут вывести Россию в группу современных развитых стран. Можно высказать гипотезу, что высокий уровень развития вторичной модернизации снимет остроту напряжений социального пространства в России и ее регионах, поскольку она будет содействовать повышению качества жизни, сокращению материального неравенства, формированию современного рынка труда, демократизации, развитию эмпатии и консолидации общества.

Эта гипотеза опирается на опыт европейских стран, находящихся на развитых стадиях вторичной модернизации. Россия также демонстрирует разный уровень модернизации регионов, причем не только вторичной, но и первичной – индустриальной. В реализуемом межрегиональным научным коллективом проекте “Социокультурный портрет региона” под руководством Лапина используется методика китайского ученого Хэ Чуаньци, который разработал систему индексов, позволяющих оценить стадию и конкретный этап каждой стадии модернизации в 131 странах мира (см. [Обзорный... 2011]). Согласно методике Хэ Чуаньци, первая стадия модернизации – переход от традиционного общества к индустриальному, вторая – переход к информационному обществу, основанному на знаниях. Использование этой методики показало большое многообразие регионов России по уровню модернизации: от находящихся в стадии развития вторичной модернизации до пребывающих в начальной стадии первичной – индустриальной – модернизации. Большинство регионов России относятся к стадии зрелой индустриальной модернизации с разным уровнем развития элементов вторичной модернизации [Лапин, 2012^а].

При этом регионы не только находятся на разных уровнях первичной и вторичной модернизации, но и располагают разными социальными ресурсами для перехода на следующий уровень. Это требует разработки для каждого региона своей стратегии модернизации, учитывающей интересы разных социальных групп, особенно молодежной когорты – наиболее подвижной части общества, которая покидает регион, если не видит в нем для себя перспективы. Можно сказать, что сегодня снижение качества человеческого, культурного и социального капитала создает реальные риски для слабо- и среднеразвитых регионов, которым угрожает опасность закрепить за собой место аутсайдеров в будущем модернизационном развитии страны.

В исследовании отмеченных выше проблем эмпирическая верификация уровней социальной напряженности социального пространства страны и регионов – безусловная необходимость. Особо значимы и актуальны те напряженности, которые препят-

ствуют **вертикальной консолидации**. Именно о них пойдет речь ниже в контексте уровня модернизации регионов. Тут можно предложить следующие четыре группы индикаторов, отражающих степень напряженности социального пространства и препятствующих консолидации общества:

- материальный уровень жизни и материальная дифференциация населения;
- социальная структура населения;
- формирование и развитие среднего класса;
- социальная идентичность и взаимоотношения с институтами общества.

Уровни и конкретные измерения этих индикаторов требуют сбора и анализа эмпирических социологических и статистических данных и их соотнесения с достигнутыми показателями модернизации. Предложу некоторые предварительные оценки, основанные на данных, имеющихся в моем распоряжении³.

Материальный уровень жизни и материальная дифференциация населения

В данном случае в качестве эмпирических индикаторов использовались следующие показатели: доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (ВПМ); самооценка населением своего уровня жизни; уровень материальной дифференциации (коэффициент Джини).

Регионы в таблице 1 ранжированы по уровню вторичной модернизации (ВМ) от более высокого индекса к менее высокому в соответствии с исходной гипотезой, что именно она способна оказать существенное воздействие на материальный уровень жизни населения и сократить дифференциацию доходов. Здесь представлен 21 регион, по которым созданы социокультурные портреты с доступными на данный период данными. Это три группы регионов: с уровнем вторичной модернизации выше среднего, со средним уровнем вторичной модернизации и с уровнем ниже среднего. Каждый регион также отнесен к определенному типу модернизированности (он учитывает обе стадии модернизации – первичной и вторичной) в соответствии с классификацией Лапина. Произведено соотнесение уровней вторичной модернизации и типа модернизированности региона с некоторыми показателями распределения доходов: во-первых, по статистическому показателю – доле населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (назовем этот показатель “уровень бедности”), во-вторых, по уровню материальной дифференциации (коэффициент Джини). Кроме того, в таблице 1 представлены данные самооценки уровня дохода от самих жителей регионов в результате репрезентативных опросов населения.

Корреляционный анализ показал наличие тесной связи индекса вторичной модернизации и доли населения с уровнем дохода ниже ВПМ и с уровнем материальной дифференциации (коэффициент Джини). Менее тесная связь наблюдается по типам модернизированности регионов⁴. Но иерархический кластерный анализ выявил ожидаемую закономерность – в каждом из трех кластеров представлены регионы с разным индексом вторичной модернизации и относящиеся к разным типам модернизированности. Были выявлены три кластера. Первый кластер (3 региона) объединил Новоси-

³ Эмпирической базой послужили данные всероссийского мониторинга (1990–2010 гг.) и межрегионального проекта “Социокультурный портрет региона” (с 2007 г. – по настоящее время). Оба проекта разрабатываются в ЦИСИ Института философии РАН. Руководитель – член-корреспондент РАН Н. Лапин. Эти исследования методически сопоставимы, и сегодня существуют шесть всероссийских баз данных и базы данных 21 региона России. Кроме того, использована официальная статистика и данные Европейского социального исследования (ESS), которое проводится с 2002 г. в 23–30 европейских странах, находящихся на разных уровнях первичной и вторичной модернизации.

⁴ Коэффициент корреляции индекса вторичной модернизации и уровня бедности весьма значителен – он составляет – 0,490, коэффициент корреляции этого индекса с коэффициентом Джини еще выше и равен 0,589. Коэффициент корреляции *типа* модернизированности региона и уровня бедности значительно ниже и составил – 283, а с коэффициентом Джини 0,484. (Расчеты сделаны А. Прохойдой и И. Зеленым – сотрудниками Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.)

**Распределение дохода в регионах с разным уровнем
вторичной модернизации**

Регионы России	Индекс ВМ	Доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума (ВПМ) (%) (2010 г.)	Доля “нищих”, “бедных” и “необеспеченных” (по самооценкам) (%) и после черты только “нищих”, “бедных”	Уровень материальной дифференциации (коэффициент Джини) (2010 г.)	Типы модернизированнойности регионов
Новосибирская область	79	16,7	62\40	0,408	Тип 5
Ханты-Мансийский АО	74	10,8	53\34	0,424	Тип 4
Тюменская область (юг)	72	10,8	54\25	–	Тип 4
Красноярский край	72	18,4	48\28	0,427	Тип 3
Челябинская область	72	10,4	58\36	0,401	Тип 3
Свердловская область	70	10,1	49\31	0,432	Тип 3
Ямало-Ненецкий АО	70	7,7	41\26	0,421	Тип 4
Ульяновская область	68	17,0	55\34	0,392	Тип 3
Республика Татарстан	66	8,0	51\30	0,415	Тип 3
Республика Карелия	65	15,2	44\23	0,360	Тип 3
Пермский край	65	13,8	41\21	0,431	Тип 5
Тульская область	64	11,0	51\26	0,375	Тип 3
Омская область	63	14,3	39\22	0,406	Тип 3
Владимирская область (2012)	62	18,3	46\27	0,361	Тип 4
Курская область (2012)	61	10,8	44\30	0,381	Тип 2
Астраханская область	59	14,2	59\29	0,400	Тип 2
Смоленская область	59	14,7	60\39	0,378	Тип 2
Чувашская Республика	59	18,7	59\40	0,366	Тип 2
Республика Бурятия	59	19,8	54\34	0,409	Тип 3
Вологодская область	56	17,0	53\28	0,372	Тип 2
Республика Хакасия	54	18,5	50\30	0,378	Тип 2

Источники: [Лапин, 2012⁶; Регионы... 2011, с. 162–163, 168–169], а также мои подсчеты по базам социологических данных, полученных в регионах России.

бирскую область (индекс 79, тип модернизированнойности 5), Красноярский край (индекс 72, тип 3) и Ульяновскую область (индекс 68, тип 3). В этом кластере доля населения с доходом ниже ВПМ от 18,4 до 16,7%. Во второй кластер вошли 6 регионов с более низким индексом вторичной модернизации, но и с почти в два раза меньшей численностью бедных (в среднем 9,63%). Но третий кластер – самый большой и самый неблагоприятный (12 регионов) с долей бедных более 15%. При этом индекс вторичной модернизации в нем колеблется от 54 до 65 и представлены типы модернизированнойности 2, 3, 4 и даже 5 (Пермская область). На фоне регионов этого кластера выделяется резкая материальная дифференциация в одном из самых бедных регионов страны – в Республике Бурятии. При почти 20% населения, находящегося ниже черты бедности по статистике, и 54% бедных и необеспеченных по самооценкам, материальная диф-

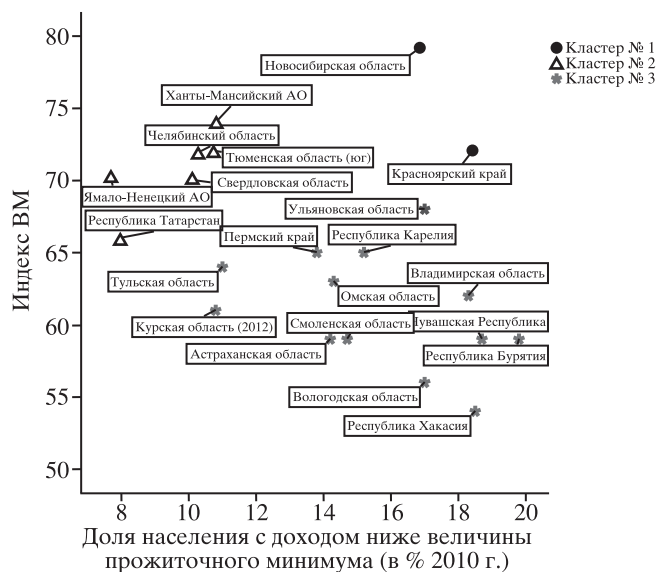

Рис. 1. Распределение регионов России в системе координат “Индекс вторичной модернизации–уровень бедности”.

ференциация, измеряемая коэффициентом Джини, составляет 0,409: это пятое место среди 21 региона, представленного в таблице 1. Графически распределение регионов России в системе координат “индекс вторичной модернизации–уровень бедности” представлено на рисунке 1.

Можно сделать предварительный вывод, что в России достигнутый индекс вторичной модернизации (ВМ) и тип модернизированности региона не имеют выраженной связи с уровнем материального расслоения и наличием бедного населения. Очевидно, что большее значение имеет проводимая в регионах социальная политика, бюджетная политика Центра и региональных властей. Свое влияние оказывает и сложившийся в регионах стандарт потребления верхних доходных групп, с которыми сравнивают себя жители и, видя пропасть в материальном положении, оценивают свою жизнь на уровне “нищих”, “бедных” и “необеспеченных”. Впрочем, возможны и “изыски” статистики, занижающей величину прожиточного минимума для уменьшения статистического числа бедных.

Если сравнить даже наиболее модернизированные регионы с европейскими странами, находящимися на близком уровне ВМ, а это Словения, Греция, Эстония и Чехия, то увидим, что в этих странах уровень материальной дифференциации значительно ниже: Словения – 0,312, Греция – 0,343, Эстония – 0,360, Чехия – 0,251 [Россия... 2011, с. 84]. К тому же в этих странах, по самооценкам, значительно ниже уровень бедности (данные Европейского социального исследования (ESS)). В большинстве европейских стран не только высокий уровень доходов большинства населения, но и дифференциация доходов значительно ниже, чем в России.

Для России при регулировании уровня доходов в процессе осуществления модернизации целесообразно ориентироваться на такие крупные страны, как Германия, Франция и Англия, где высока доля населения с достаточным доходом для жизни (более 80%), а индекс концентрации доходов в 2010 г. был значительно ниже, чем в нашей стране (соответственно, 0,283, 0,298 и 0,360), тогда как в России он был равен 0,422. Это самый высокий уровень для европейских стран (кроме Македонии). Такая высокая дифференциация характерна для осуществляющих модернизацию азиатских стран, например для Китая (0,415), Сингапура (0,425), Турции (0,412) [Россия... 2010, табл. 5.1]. Но наш путь к модернизированному состоянию страны кардинально от-

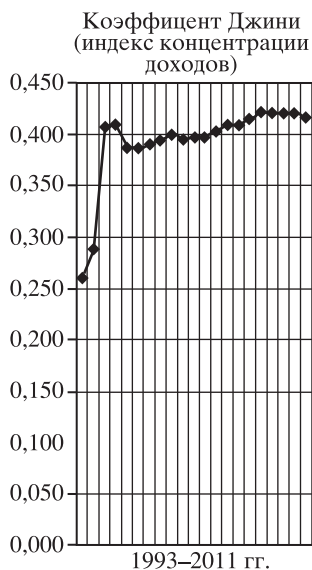

Рис. 2. Дифференциация доходов в России в 1993–2011 гг.

личается от этих стран. Главное отличие – 20 лет назад Россия уже заканчивала первичную модернизацию и вступала во вторичную при довольно низком уровне материального расслоения⁵. По большинству индикаторов Россия в 1991–1993 гг. находилась в переходной фазе к вторичной модернизации или в фазе расцвета первичной модернизации. Коэффициент Джини в 1991 г. составлял только 0,260.

По многим направлениям двадцатилетие общественных трансформаций сложно отождествлять с процессами модернизации. Например, сокращение в этот период численности сельского населения и рост городского – не естественный, эволюционный путь развития, а катастрофа, аналогичная той, что происходила в период индустриальной модернизации в Советском Союзе, только без насилия⁶.

Произошедшая в начале 1990-х гг. приватизация породила узкий слой сверхбогатых людей, получивших в свое распоряжение ресурсы сырьевой базы страны. Сложилась экспортно-сырьевая модель экономики, которая позволяет использовать сырьевую ренту для быстрого обогащения при близости к государственным структурам, распределяющим сырьевые ресурсы. Одновременно со сворачиванием индустриальных предприятий снизился

уровень жизни наемных работников. Владельцы “сырьевых” капиталов не заинтересованы в инвестициях в индустриальное развитие, сверхдоходы тратятся на роскошь и престижное потребление, значительные капиталы вывозятся за пределы страны.

В России, несмотря на сдерживание дифференциации доходов в некоторых развитых регионах, концентрация доходов продолжает нарастать. Сейчас в Москве коэффициент Джини вырос до 0,510. Можно констатировать, что это следствие неуправляемого роста доходов верхних доходных групп населения, обладающих крупной собственностью, доставшейся в период приватизации, и того, что модернизация не затронула массовые слои, не изменила характер их труда, не повысила его эффективность и, следовательно, оплату. Продолжающаяся концентрация доходов и сохранение большой доли плохо обеспеченных граждан – отражение неоптимального течения модернизации, оставляющей “за бортом” значительную часть населения.

При сравнении тенденции дифференциации доходов в России периода рыночных реформ (см. рис. 2) и “кривой Кузнеца”⁷ (см. рис. 3) видно, что распределение доходов в начальный период реформ в России происходило по типу развивающихся стран (на “кривой Кузнеца” это расстояние до точки А и далее до точки В), то есть наблюдался значительный рост дифференциации доходов, но по истечении двух десятилетий в стране не произошел перелом, когда дифференциация начинает снижаться по

⁵ Отставал только такой показатель, как ожидаемая продолжительность жизни – 68,92 года вместо 70 лет по стандарту.

⁶ В этот период во многих регионах увеличились площади заброшенных сельскохозяйственных земель, сократилось производство продукции, полностью обезлюдели многие сельские населенные пункты. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., во многих из них сейчас вообще нет постоянного населения. Например, в Костромской области таких пунктов стало 1189, или **каждый третий**, в Псковской области – **каждый четвертый** (<http://www.gks.ru>).

⁷ С. Кузнец – американский ученый российского происхождения, лауреат Нобелевской премии, наряду с другими проблемами изучал отношения между экономическим ростом и дифференциацией доходов. “Кривая Кузнеца” построена на основе эмпирических данных по различным странам и демонстрирует статистическую зависимость неравенства в распределении доходов в доиндустриальном обществе (до точки А на рис. 3), в период промышленной модернизации (от точки А до В), а затем кривая имеет тенденцию снижаться. Это снижение может иметь разный вид – более пологий или более крутой, но связано оно с экономическим ростом в период информационной модернизации (см. [Филатов, 2002]).

мере экономического роста (на “кривой Кузнеця” это расстояние от точки В до точки С), связанного с усилением тенденций вторичной модернизации.

В целом по стране коэффициент Джини имеет тенденцию к повышению в 1996–2011 гг., постепенно поднимаясь над очень высоким значением – 0,400. Столь длительное сохранение такого уровня дифференциации, хотя и обращает на себя внимание властей и ученых, но не находит рациональных решений. А они состоят в том, чтобы создавать рабочие места, которые соответствуют высокой стоимости рабочей силы и, соответственно, высокому качеству человеческого капитала. Иными словами, чтобы разворачивать вторичную модернизацию и воссоздавать промышленное производство на новой современной технологической основе.

При внимании к проблеме углубления материальной дифференциации общества следует особо акцентировать самооценку материального положения самим населением. Эта оценка дает представление, как население позиционирует себя в материальной иерархии региона, и даже, косвенно, как оно относится к богатым и обеспеченным слоям. На такой вывод наталкивает большое число жителей, говорящих о своей бедности и необеспеченности даже в таком богатом регионе, как Тюменская область и в ее субрегионах. Это один из поводов для возникновения напряженностей в социальном пространстве страны и каждого региона, что должно учитываться региональными властями при выработке стратегий модернизации.

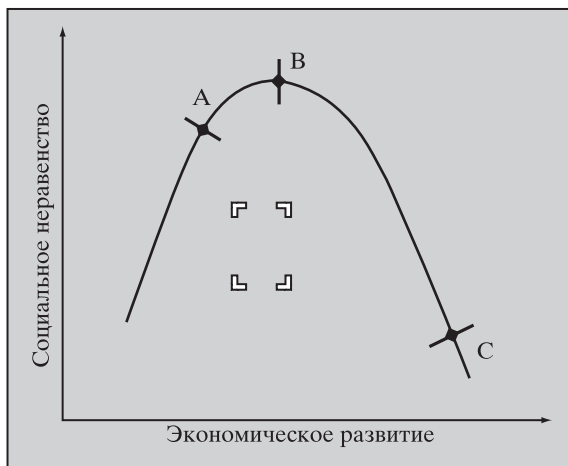

Рис. 3. “Кривая Кузнеця”.

Социальная структурация населения

Здесь в качестве эмпирических индикаторов использовались данные о социально-профессиональной структуре населения; о наличии в обществе социальных лифтов, открытости верхних социальных слоев и о балансе миграционных потоков в регионе.

Социально-профессиональная структура может служить важным индикатором напряженности социального пространства региона и страны в целом. По своей сути профессия – совокупность собственных социальных и культурных ресурсов индивида, которая помогает ему занять определенное место в общественной иерархии. В современном демократическом обществе эти ресурсы могут иметь большее значение, чем связи, принадлежность родителей к определенным социальным слоям, поскольку профессия, человеческий и культурный капитал открывают или закрывают двери социальных лифтов, поднимая или спуская по иерархической лестнице. Подробный анализ профессиональной структуры может быть проведен по одной из признанных международных методик: социально-профессиональные слои по английскому социологу Дж. Голдторпу, классовая структура по Э. Райту или, что предпочтительнее, по постиндустриальной классовой схеме датского социолога Г. Эспин-Андерсена. Последняя дифференцирует профессиональные занятия по следующим секторам: первичный (фермеры и сельскохозяйственные рабочие), фордистский индустриальный и постиндустриальный. Такой анализ может показать, насколько население региона профессионально подготовлено для участия в модернизации (первичной или вторичной), есть ли социально-культурные предпосылки для разворачивания в регионе ин-

Динамика численности занятых в России по группам занятий
(в %)

Занято в экономике:	2002 г.	2010 г.
Всего	100	100
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей организаций	4,9	8,0
Специалисты высшего уровня квалификации	16,2	18,8
Специалисты среднего уровня квалификации	15,6	15,4
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации и учетом	3,4	2,9
Работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и т.п.	13,0	14,4
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	4,6	3,6
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, художественной промышленности, геологии и разведки недр	16,8	13,8
Операторы, аппаратчики и машинисты установок и машин	14,0	12,4
Неквалифицированные рабочие	11,4	10,8

Источники: [Труд... 2003, с. 100; Труд... 2011, с. 96].

формационных производств. С одной стороны, модернизация требует наличия таких профессиональных ресурсов, с другой – она сама создает более современную профессиональную структуру. В отношении России пока нельзя сказать, что эти процессы идут достаточно успешно.

Сравнение России и стран Европы по профессиональной структуре занятых (по данным ESS) отражает противоречивые тенденции. В России доля профессионалов высокой и средней квалификации, занятых интеллектуальным трудом, составляет 35%, и в этом Россия опережает все бывшие социалистические и некоторые западные страны – Кипр, Испанию, Португалию, но значительно отстает от большинства развитых западноевропейских стран. В то же время, рабочие в России (квалифицированные и неквалифицированные), в отличие от стран Западной Европы, составляют треть населения, что в два–три раза больше, чем в развитых странах Запада. Это наглядная характеристика того этапа модернизации (а именно – индустриального), на котором находится страна. Соответственно, меньше в России и занятость в сфере обслуживания, длительное время плохо развивавшейся в стране. Данная сфера также относится к постиндустриальному сектору экономики, и она еще недостаточно развита в России.

Официальные статистические данные позволяют лишь ориентировочно оценивать изменения в занятиях работающего населения России. Но можно определенно сказать, что в 2002 – 2010 гг. (см. табл. 2) продолжалась бюрократизация всех сфер жизни: самыми ударными темпами росла численность руководителей разного уровня – увеличение за восемь лет составило 1,6 раза, доля специалистов высшего уровня квалификации увеличилась на 2,6%, доля среднего уровня квалификации практически не изменилась.

В тот же период в производственных отраслях доля квалифицированных рабочих сократилась на 3%, рабочих при машинах и механизмах на 1,6%. Меньше всего сократилась доля неквалифицированных рабочих – на 0,6 %. Такие изменения говорят о недостаточно активном разворачивании реиндустриализации страны. Не удастся восстановить прежние объемы машиностроительных отраслей, а также слабо развиваются новые высокотехнологичные производства, все внимание отдано добывающим отраслям. Например, в такой высокотехнологичной отрасли, как производство электро-

оборудования, электронного и оптического оборудования, индекс производства в процентах к предыдущему году последовательно снижался (2005 г. – 133,2; 2006 г. – 115,0; 2007 г. – 110,9; 2008 г. – 92,6; 2009 г. – 67,8 [Промышленность... 2010, с. 262–263]). По некоторым позициям – магнитофоны, видеомагнитофоны, автомагнитолы, аппараты искусственной вентиляции легких – производство было практически свернуто.

Центральным вопросом становится изменение структуры хозяйства и повышение ее устойчивости к мировым кризисам. Сегодня Россия значительно отстает от всех развитых стран мира и от “азиатских тигров и драконов” по показателю качества отраслевой структуры ВВП и по качеству технологической структуры промышленности [Акаев, 2012]. Это осложняет преодоление спада в высокотехнологичных отраслях. Вместе с тем можно констатировать печальную тенденцию: сокращение таких производств негативно влияет на квалификационный состав занятого населения, ухудшает качество рабочей силы и перспективы модернизации экономики. Преодоление отставания невозможно без всестороннего учета, во-первых, социокультурных составляющих экономического развития и, во-вторых, экономических и социокультурных особенностей российских регионов как частей России, образующих в совокупности “большое общество”.

Развитие информационных технологий и вообще отраслей экономики знаний в социальной среде, где численно доминируют работники неквалифицированного и малоквалифицированного труда, – заведомо рискованное предприятие. *В этом случае социальное пространство деформировано, в нем накапливается напряжение, вызываемое разностью уровня культуры и образования, образов жизни, несовпадением социальных норм и ценностей.*

Рассмотренные выше процессы являются составляющими глобального тренда – сокращения возможностей вертикальных социальных перемещений массовых групп населения в современной России. Речь не идет об улучшении материального положения (эта проблема частично решается за счет средств бюджета и небольшого роста оплаты труда), а о повышении позиции в общественной иерархии. Как было показано ранее [Беляева, 2011], в России в последние годы сложилась довольно устойчивая пирамида социальных слоев, наиболее массовый среди которых – слой, условно названный “реалисты” (работники-исполнители, востребованные современной экономикой и обладающие относительно небольшим культурным капиталом, в основном на уровне среднего специального и среднего общего образования). Численность этого слоя – более 50% населения страны. Характерно, что наиболее часто наследуемое образование в нашей стране – среднее специальное, а это значит, что *слой людей средней квалификации в России практически воспроизводится*. Перемещение из этого слоя в более высокие образовательные группы довольно редко из-за образовательных стратегий семей, ограниченности доходов и материальных барьеров, существующих в самой системе образования. Очевидно, что выходцы из таких семей часто ориентированы на достижение уровня образования их родителей, для них характерно более раннее начало трудовой деятельности с прекращением учебы. По данным мониторинга, верхний социальный слой сохраняет свою численность, не увеличиваясь за счет нижележащих слоев.

В целом российская ситуация с социальной стратификацией населения может быть охарактеризована как застой и деградация, когда для многих оказались закрыты каналы восходящей и открылись каналы нисходящей мобильности. В целом по России лишь небольшая часть населения захотела или смогла изменить/повысить свой социальный статус, став частными предпринимателями или работая самостоятельно (таковых, по данным официальной статистики сейчас в стране только 7%).

Сегодня социальный рост наблюдается преимущественно у молодежи, имеющей хорошее образование, соответствующую мотивацию и живущую в столицах и больших городах. Именно в эти населенные пункты направляются миграционные потоки молодых, образованных или желающих получить образование, и при этом происходит интеллектуальное оскудение провинции.

Такой отток квалифицированной рабочей силы наблюдается в большинстве регионов России, что создает немалую напряженность социального пространства регионов, поскольку сокращаются человеческие ресурсы модернизации тех территорий, которые как раз и нуждаются в ней. Едва ли помогут исправлению ситуации волевые управленческие усилия, если не будут создаваться “условия для реализации живых интересов и настроений общества, наиболее самостоятельной и продуктивной его составляющей” [Идеология... 2013, с. 98].

Второе обстоятельство, нередко создающее напряжение социального пространства, связано с прибытием в регионы иммигрантов с другими доминирующей культурой и правилами поведения. В течение последних лет Россия принимает в год до 600 тыс. мигрантов, их общее число достигает по разным оценкам от 7 до 12 млн человек, то есть от 5% до 8% населения страны. Формированию поликультурного общества препятствует существенное отличие религиозных и культурных традиций большинства принимающего населения и иммигрантов. В отличие от стран Евросоюза, где система социального государства оказывает помощь мигрантам и тем самым закрепляет их в странах ЕС (хотя и здесь имеются проблемы с культурной ассимиляцией мигрантов), в России многие мигранты задерживаются, как правило, только на срок работы, позже уезжая на родину. Отсутствие перспектив постоянного жительства, соединения с семьей не способствует повышению квалификации приезжих для занятия более престижного места на рынке труда, успешной адаптации к новому социокультурному окружению. Неблагоприятная социальная среда, риски проживания иммигрантов в России вызвали сокращение приезда в страну более квалифицированных работников, знающих русский язык. Сегодня на просторы России хлынули иммигранты из сельских районов среднеазиатских республик, плохо или совсем не говорящих на русском. Их простой и дешевый труд, полная зависимость от местных коррумпированных бюстителей порядка, работа на подпольных предприятиях, занятость в криминальном бизнесе порождают напряженность социального пространства регионов.

Между тем с каждым годом растет потребность регионов в рабочей силе средней квалификации, удовлетворить которую местное население не в состоянии. По прогнозу Министерства труда и социального развития на 2013 г. среди мигрантов почти 80% должны составлять квалифицированные рабочие кадры. Заявки на рабочих-мигрантов в министерство поступили на выполнение горных, строительно-монтажных и ремонтно-строительных работ, от сельскохозяйственных предприятий, лесных и охотничьих хозяйств, рыбоводства и рыболовства, а также на должности водителей и машинистов подвижного состава. Вместе с тем российские регионы нуждаются и в неквалифицированной рабочей силе, намериваясь принять 366 тыс. таких мигрантов. Замечу, что заявки на высококвалифицированных работников практически отсутствуют, а они были бы не прочь приехать на работу в Россию, но каналы их перемещений не отрегулированы, каждый желающий приехать действует на свой страх и риск.

При наличии больших принимающих сообществ, въезд даже значительных групп иммигрантов не создает проблем на рынке труда для местного населения, а наоборот, способствует заполнению вакантных рабочих мест. Так, Москва и особенно Подмосковье принимают самые большие массы мигрантов из всех регионов страны и из-за рубежа. Это не исключает конфликты, которые могут создать напряженность, как неоднократно было в последние годы в Москве. Но в регионах или населенных пунктах с небольшой численностью жителей и ограниченным рынком труда общины иммигрантов начинают доминировать, нередко побеждая в конкуренции за рабочие места, провоцируя острые конфликты и напряжения. Тому немало подтверждений в современной России. Проблема не может решаться только налаживанием межкультурного диалога и развитием толерантности, хотя они и способны оказать свое позитивное влияние. Глобальное решение возможно не путем заполнения рабочих мест низкоквалифицированными иммигрантами, а модернизацией производств с сокращением потребности в таких работниках. Неограниченный доступ на рынок труда мигрантов из ближнего зарубежья создает своего рода препятствия для реиндустриализации и

Оценка населением регионов отношений с приезжими

Регионы России	Уровни ВМ	Доля населения, считающего, что отношения с приезжими в регионе напряженные, бывают драки, местные и приезжие почти не общаются (%)
Новосибирская область	Выше срединного	45
Тюменская область	Выше срединного	29
Красноярский край	Выше срединного	23
Челябинская область	Срединный	21
Свердловская область	Срединный	17
Ульяновская область	Срединный	18
Республика Татарстан	Срединный	20
Республика Карелия	Срединный	27
Пермский край	Срединный	27
Тульская область	Срединный	34
Омская область	Срединный	12
Владимирская область	Срединный	25
Курская область	Срединный	15
Астраханская область	Ниже срединного	18
Смоленская область	Ниже срединного	28
Чувашская Республика	Ниже срединного	11
Республика Бурятия	Ниже срединного	13
Вологодская область	Ниже срединного	15
Республика Хакасия	Ниже срединного	21

модернизации экономики, блокирует мотивацию к развитию производств на основе современных технологий.

То, что проблема взаимоотношений мигрантов и принимающего населения стоит достаточно остро, можно проследить по данным исследований, проведенных при создании портретов регионов (см. табл. 3).

Самая большая доля местного населения, отмечающего напряжение в отношениях с приезжими, зафиксирована в Новосибирской области (45%) – одном из наиболее развитых регионов России, самая меньшая доля – в Чувашии (11%), в регионе с застойной экономикой. Факторы, влияющие на отношения с приезжими в регионах, многочисленны и требуют специального углубленного анализа. Основной стимул для приезда иммигрантов – социально-экономическая привлекательность региона. В таком случае образуется чрезмерный поток приезжих, что создает напряжение в отношениях с местными жителями. Другая ситуация в регионах с сокращающимся населением в староосвоенных регионах Центра России. Показательна в этом отношении Смоленская область, где отмечен значительный отток местного населения, прежде всего молодежи, и на этом фоне приезд большого числа лиц с иной культурной традицией воспринимается жителями остро негативно.

Между тем мигранты становятся системными элементами социальной структуры российского общества и постоянными участниками рынка труда. Необходимо разрабатывать стратегию адаптации их к жизни в России, укоренения их в стране. Дело в том, что мигранты нужны России не только как рабочая сила, но и как полноценные граждане страны, в том числе и для заполнения ее безграничных просторов. При этом важно избегать возникновения гетто в крупных городах, где взаимоотношения с

коренными жителями, особенно с молодежью, вырастают в одну из острейших проблем, а также доминирования иммигрантских общин в небольших населенных пунктах. Необходима внятная миграционная политика, регулирующая потоки мигрантов и исключающая нелегальную миграцию, важно адаптировать мигрантов к жизни в России, в том числе с использованием социокультурных ресурсов. Только такая политика способна постепенно снять напряжение социального пространства, возникающее по данному поводу. Учитывая, что интенсификация миграции – один из спутников глобализации и этот процесс происходит во всем мире, необходимо учитывать мировой опыт, в том числе и негативный, особенно тех европейских стран, которые раньше вступили на этот путь.

Процессы формирования и развития среднего класса

Эмпирическими индикаторами анализа данных процессов являются: численность и динамика среднего класса; профессиональный состав; отраслевая занятость.

В последние годы в России практически остановился рост среднего класса, причем это характерно не только для России в целом, но и для большинства регионов России. Более того, кризис содействовал сокращению его численности. Стагнация численности среднего класса свидетельствует об исчерпанности резервов роста в том русле развития, в котором двигалась Россия последние годы. Модернизация, очевидно, медленно разворачивается в обществе, поскольку увеличение доли среднего класса в населении – ее безусловный спутник, а средний класс самый преданный ее сторонник, способный при большой численности консолидировать общество. К тому же сегодня в России меняется профессиональный состав среднего класса за счет укрепления в нем позиций управленцев и работников правоохранительных органов и уменьшения доли малых и средних предпринимателей, что никак не характерно для модернизирующегося общества.

В таблице 4 представлена численность среднего класса 17 регионов России. Средний класс образован по трем признакам – образования, материального положения и

Таблица 4

Численность среднего класса в регионах с разным уровнем модернизации

	Уровни ВМ	Численность среднего класса (% от численности населения)
Новосибирская область	Выше среднего	15
Тюменская область	Выше среднего	23
Красноярский край	Выше среднего	20
Челябинская область	Средний	15
Свердловская область	Средний	17
Ульяновская область	Средний	24
Республика Татарстан	Средний	18
Пермский край	Средний	15
Тульская область	Средний	24
Омская область	Средний	24
Владимирская область (2012)	Средний	20
Курская область (2012)	Средний	23
Астраханская область	Ниже среднего	21
Чувашская Республика	Ниже среднего	21
Республика Бурятия	Ниже среднего	14
Вологодская область	Ниже среднего	12
Республика Хакасия	Ниже среднего	23

самоидентификации со средним слоем в масштабах региона. Регионы расположены по степени убывания уровня вторичной модернизации. Приведенные данные не позволяют говорить о существовании зависимости численности среднего класса от уровня вторичной модернизации. Очевидно, что модернизация не оказывает пока существенного влияния на его рост. Ни один регион России, за исключением Москвы (в старых границах), где средний класс, по данным мониторинга 2010 г., составлял 45% взрослого населения, не имеет весомой доли среднего класса: его численность не превышает четверти населения. Даже в Новосибирской области – регионе с наиболее высоким индексом вторичной модернизации (79)⁸ – доля среднего класса не более 15%. А это даже меньше, чем в среднем по России.

Такой небольшой вес среднего класса в населении показывает, что страна находится в самом начале пути к информационной модернизации, которая должна иметь своим фундаментом современную развитую индустрию. Массовый средний класс создается в недрах индустриального общества, но он утрачивает свои позиции при деиндустриализации страны и недостаточном развитии вторичной модернизации. Слабость среднего класса и стагнация его численности не устраняют опасную напряженность социального пространства регионов, не способствуют сглаживанию социальных различий между верхним социальным слоем и остальным населением.

Социальная идентичность и взаимоотношения с институтами общества

Здесь в качестве эмпирических индикаторов выступают самоидентификация с общностями разного уровня и доверие основным институтам общества, в том числе органам правопорядка.

Последние два десятилетия отмечены ослаблением социальных и человеческих связей, изменениями в самоидентификации людей, как бы “сужением” ее горизонта до семьи, близкого круга друзей. Это неизбежное следствие кризисов и радикальных изменений экономической системы. Еще в 1990-е гг. Н. Наумова отмечала: «Прочность, устойчивость интеграции как позитивной включенности человека в социальные общности, зависит... во-первых, от того, в какой степени она происходит на всех уровнях социальной системы – семьи, первичной группы, организации, социальной группы, территориальной общности, государства, нации, общества в целом. Другим важным фактором, в определенной мере связанным с первым, является наличие “критической массы” признаваемых большинством социальных норм и ценностей нормативно-ценностного порядка, единства, согласия» [Наумова, 1999, с. 102].

Выше отмечалось усиление близости семейных связей и взаимоотношений, это же можно сказать и в отношении жителей населенного пункта, где человек живет, – села, поселка, города. Но другие группы непосредственного общения – друзья, сослуживцы – становятся менее близкими современному россиянину. Возможно, это связано с ослаблением дружеских связей в связи с сокращением свободного времени и конкурентными отношениями на работе. За этими данными опроса просматривается рост индивидуализма и отчуждения от других членов общества.

Что особенно настораживает в самоидентификации жителей страны – так это значительная утрата чувства близости со своими соотечественниками. Всего за четыре года – с 2006 по 2010 г. – на 16% сократилось число тех, кто ощущают близость с жителями России. Таких людей теперь меньше 40%. Еще меньше их в группах с высшим образованием, среди жителей больших городов и Москвы и в возрастной группе 25–35 лет.

⁸ Выше поднялись только Москва (индекс 107), Санкт-Петербург (92) и Московская область (84), но первые два региона – города и не совсем корректно сопоставлять с ними Новосибирскую область, поскольку доля городского населения, как один из индикаторов качества экономики внутри индекса ВМ в них приближена к 100%. Но сопоставление с Московской областью с ее высоким уровнем урбанизации вполне правомерно.

Уровни тревожности в странах Европы и оценка деятельности полиции населением
(ESS-2010; в %)

Страны	Как часто вы беспокоитесь о том, что ваш дом могут ограбить?		За последние пять лет вы подвергались насилию, становились жертвами грабежа?		Оценка работы полиции		Как часто полиция уважительно обращается с людьми?	
	Постоянно, довольно часто	Иногда, никогда	да	нет	Очень хорошая, хорошая	Плохая, очень плохая	Очень редко, нечасто	Часто, почти всегда
Норвегия	10	90	19	81	74	6	12	87
Франция	42	58	22	78	62	10	34	64
Греция	63	37	20	80	36	21	40	56
Словакия	40	60	12	88	45	11	37	49
Болгария	38	60	16	84	49	9	39	51
Россия	14	82	15	85	17	25	56	32

Один из эмпирических признаков консолидации общества – доверие между людьми. Оно в России, по данным Европейского социального исследования (ESS), одно из самых низких среди европейских стран. Между тем консолидация общества невозможна без доверия людей друг к другу, это консолидация на уровне постоянного общения, в обыденной жизни. В социально-психологическом контексте ослабление социальной интеграции может провоцировать критические значения показателей недоверия, которые могут не выливаться в массовые акции; скорее это личное самоощущение, которое влияет на индивидуальное поведение. Отсутствие напряжения в ментальных и психологических состояниях по поводу социального окружения и взаимодействия с институтами общества служит необходимым социальным фоном для того, чтобы образованные и активные не стремились покинуть Россию, смогли использовать свои способности и знания в собственном регионе и в стране. Замечу, что представители среднего класса составляют самую большую группу среди тех, кто, по данным всероссийского мониторинга, не исключают эмиграцию.

Преобразования в России не сопровождаются модернизацией политической системы и устойчивым развитием институтов гражданского общества. В стране растет коррупция, нарушители законов, облаченные властью, часто уходят от ответственности. Эти и другие проявления недемократичности общества провоцируют напряжения социального пространства, ослабляют доверие ко всем институтам, особенно к тем, что должны обеспечивать защиту жизни и правопорядок. Для того чтобы обозначить некоторые зоны напряжения, было проведено сравнение настроений населения России и 26 стран, участвовавших в Европейском социальном исследовании (ESS). Оказалось, что в России один из самых низких уровней доверия судебно-правовой системе, очень низкий уровень доверия полиции, широко распространено недоверие к окружающим людям вообще. По всем этим показателям Россия занимает место в последней пятерке стран, участвовавших в исследовании.

Во всех без исключения странах Европы у жителей в большей или меньшей степени присутствует тревожность за свою безопасность и сохранность своего имущества, как и у жителей России. Этот уровень беспокойства даже выше, чем у нас. В таблице 5 выборочно представлены некоторые страны Европы – с максимальным и минимальным уровнями тревожности.

**Доля населения, не доверяющего
институтам правопорядка в регионах России (валидный %)**

Регионы России	Суд	Прокуратура	Полиция
Новосибирская область	31	35	55
Тюменская область	31	37	49
Красноярский край	34	39	54
Челябинская область	36	40	51
Свердловская область	33	36	51
Ульяновская область	33	37	55
Республика Татарстан	39	—	50
Республика Карелия	27	36	56
Пермский край	32	40	59
Тульская область	31	37	51
Омская область	15	22	38
Владимирская область	31	30	42
Курская область	36	34	48
Астраханская область	30	34	42
Смоленская область	32	43	62
Чувашская Республика	21	25	41
Республика Бурятия	15	22	38
Вологодская область	27	31	41
Республика Хакасия	35	37	53

Но в большинстве стран, особенно в Западной Европе, жители высоко оценивают работу полиции, отмечают ее уважительное обращение с людьми. В России же только 17% опрошенных оценили работу полиции как очень хорошую и хорошую и 25% как плохую и очень плохую, 52% оценили ее средне. Уважительное обращение полиции с людьми отметили в России 32% опрошенных, что в два и более раз меньше, чем в странах Западной Европы. Более того, в России второй после Украины индекс взяточничества со стороны полиции. На шкале от 0 до 10 баллов (где “0” означает “никогда”, а “10” – всегда) средняя оценка в России составила 6,70 баллов. Этот же показатель для стран Западной Европы не превышает 5,50 (Греция) и для бывших социалистических стран 5,70 (Болгария). Только в одной стране из 26 – Украине – индекс равнялся 7,47 баллам.

Отношение к институтам правопорядка – один из маркеров тревожности и напряжения в обществе, причем на некоторых территориях нашей страны уровень этой тревожности зашкаливает. Особенно недовольны жители деятельностью полиции (см. табл. 6).

Данные по регионам подтверждают общероссийскую тенденцию – большее недоверие полиции, чем другим органам правопорядка. Максимальный уровень недоверия – в Смоленской области (62%), минимальный – в Омской и Республике Бурятия (по 38%). В среднем по представленным в таблице 6 регионам около 50% взрослого населения не доверяют полиции в России. Можно оценить этот уровень как критический.

Предложенный перечень индикаторов напряжений социального пространства может быть расширен, может иметь региональную специфику. Это предмет обсуждения. Очевидно, что необходимо исследовать напряжения социального пространства в России и регионах не только для того, чтобы предотвращать социальные эксцессы, но и для того, чтобы использовать возможности модернизации для консолидации российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаев А.А.* Модернизация и моделирование стратегических возможностей модернизации российской экономики // Мир России. 2012. № 2.
- Беляева Л.А.* Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социологические исследования. 2011. № 10.
- Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6.
- Идеология и процессы социальной модернизации. М., 2013.
- Латин Н.И.* Измерения модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. М., 2012^б. № 9.
- Латин Н.И.* Модернизация в мире, ее состояние в регионах России // Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов. Сборник материалов 8-й Всероссийской научно-практической конференции по программе “Социокультурная эволюция России и ее регионов”. Уфа, 2012^а.
- Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011.
- Промышленность России. 2010. Статистический сборник. М., 2010.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. М., 2011.
- Россия и страны – члены Европейского Союза. 2011. М., 2011.
- Россия и страны мира – 2010. Статистический сборник. М., 2010.
- Труд и занятость в России. 2003. М., 2003.
- Труд и занятость в России. 2011. М., 2011.
- Филатов И.В.* Теоретическое наследие С. Кузнецова и проблемы модернизации постсоциалистических стран // Социально-экономическая трансформация в России. М., 2002.

© Л. Беляева, 2013